

12315
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

На правах рукописи

БАРАНОВ Анатолий Николаевич

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ АРГУМЕНТАЦИИ
(КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД)**

Специальность 10.02.01 — „Русский язык“
10.02.19 — „Теория языкознания“

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва — 1990

Работа выполнена в отделе Машинного фонда русского языка
ка Института русского языка АН СССР

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук *И. П. БЕЛЕЦКАЯ*
доктор филологических наук *Т. М. НИКОЛАЕВА*
доктор филологических наук *Л. А. НОВИКОВ*

Ведущее учреждение:

Институт языкознания АН СССР, отдел теоретического
языкознания

Защита состоится << 6 >> XII - 15.00 1990 г.
на заседании Специализированного совета (Д 002.19.01) при
Институте русского языка АН СССР (Москва, ул. Волхонка 18/2)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Институ-
та русского языка АН СССР.

Автореферат разослан << 1 >> XI 1990 г.

Ученый секретарь
Специализированного совета
кандидат филологических наук

В. Н. БЕЛОУСОВ

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ
ЕСТЕСТВЕННОЯЗЫКОВОЙ АРГУМЕНТАЦИИ
(постановка задачи)

В теоретическом языкознании всегда было принято пропагандировать идеи глобального подхода к исследованию языковой системы. Это вполне понятно, если учесть комплекс отнюдь не тривиальных свойств естественного языка - универсальной семиотической системы, через призму которой человек познает действительность и которая служит эффективным инструментом создания иных семиотических систем, обладающих большей "разрешающей силой" в конкретной предметной области (ср. метаязыки математической логики, квантовой механики, химии и т.д.). Между тем установка на всеобъемлющее изучение серьезно ограничивается самими возможностями конкретных исследовательских методик, с одной стороны, (ср. например, ограничительные рамки порождающего или структурного подходов) и идеологическими пристрастиями лингвистов - с другой. Последнее оказалось особенно существенным для советского языкознания, оказавшегося на "казарменном" положении общественных наук и испытывавшем в разные периоды своего развития серьезный идеологический пресс.

Насильственная идеологизация привела к тому, что из сферы внимания серьезных языковедов почти исчезли проблемы речевого воздействия, естественной языковой аргументации, функционирования русского языка в области "публичной политики". Фактически после пионерских опытов изучения "языка революции" и диалогической речи В.Н.Волошинова, С.И.Поварина, А.М.Селищева и Л.П.Якубинского¹⁾ одна из важнейших сфер функционирования русского языка - область естественной языковой аргументации - оказалась на длительное время исключенной из серьезных научных дискуссий (ср., впрочем, редкие

¹⁾ Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л.: Прибой, 1929; Поварин С.И. Спор. О теории и практике спора. Пг., 1918; Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926); Якубинский Л.П. Ленин о "революционной фразе" и смежных явлениях // Печать и революция, 1926, № 3, с. 5-17; Якубинский Л.П. О диалогической речи // Якубинский Л.П. Избранные работы, М., 1986, с. 17-58. Разумеется, приведенный список работ далек от полноты.

и потому очень важные исключения - работы Ю.Н.Караулова, Л.А.Киселевой, Ю.И.Левина и Т.М.Николаевой²⁾). Это при том, что за рубежом проблематика речевого воздействия и аргументации привлекла внимание "столпов" лингвистического сообщества (см., например, серию работ Д.Болинджера³⁾); не говоря уже о существовании серьезной литературно-художественной традиции (А.Бирс, Дж.Оруэлл, О.Хаксли) и целой серии бестселлеров - прикладных руководств по общению в социуме и речевому воздействию на собеседника (Э.Берн, Д.Карнеги, Р.Фишер и У.Ури).

В целом можно констатировать, что аргументативной функции языка в западноевропейской и американской лингвистике уделялось и уделяется куда больше внимания. Об этом говорят не только приведенные выше факты, но и регулярная организация конференций по теории аргументации, периодические издания (в том числе специальный журнал "Argumentation") и значительный интерес широкой научной общественности⁴⁾. Такой интерес к аргументации, разумеется, объясняется не только собственно научной значимостью этого феномена,

²⁾ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987 (особенно раздел "Способ аргументации как характеристика языковой личности" - с. 245-258); Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978; Левин Ю.И. О семиотике искажения истины // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода, 1974, вып. 4, с. 108-117; Николаева Т.М. "Лингвистическая демагогия" // Прагматика и проблемы интенциональности. М.: Наука, 1988, с. 154-156. См: также Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения: (Интерпретирующий подход к аргументации) // Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз., 1982, т. 41, N. 4, с. 327-337.

³⁾ Болинджер Д. Истина - проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия, М.: Прогресс, 1987, с. 23-43; Bolinger D. Language: The loaded weapon, L., N.Y., 1980.

⁴⁾ Например, по результатам конференции по аргументации 1986 г., проходившей в Амстердаме, были опубликованы многотомные материалы - Argumentation: Proc. of the Conference on argumentation, 1986 / Eds.: Van Eemeren F.H. et al. Vol. I-III, IIIa, IIIb, Dordrecht; Providence: Foris, 1987. См. также тематический выпуск журнала "Argumentation", посвященный проблемам неудач и ошибок в аргументировании: Argumentation, Fallacies, 1987, Vol. 1, N. 3.

но и важностью для всего общества в целом достижения социального консенсуса, путь к которому лежит через общественный диалог. Не случайно интерес к проблемам аргументирования в советской лингвистике начал проявляться именно сейчас - в момент перехода от ритуальной политической коммуникации периода "развитого социализма" к общественному диалогу. Именно в этом следует видеть актуальность и общественную значимость данного диссертационного исследования.

Таким образом, в качестве основного объекта исследования в диссертации выбрана естественноязыковая аргументация в русском дискурсе. Для описания этого многообразного явления привлекается новый метаязык, основанный на когнитивном подходе к языковой системе⁵⁾. Согласно когнитивной методологии сложные языковые феномены - такие, как метафоризация, экземплификация, оценивание, топикализация, аргументирование - представляют собой рефлекс соответствующих когнитивных механизмов, лежащих в основе мышления человека. С этой точки зрения аргументация предстает как комплекс языковых средств, используемых для влияния на поведение человека (то есть как фактор, воздействующий на процесс принятия решений), а также как особый тип дискурса (наряду с рассуждением, описанием, рассказыванием, обучением и т.п.), который характеризуется особыми коммуникативными и иллокутивными целями и специфическими последовательностями речевых актов, диагностируемых "аргументативными" лексемами, синтаксическими конструкциями, "аргументативным контекстом" реализации обычных лексических значений, а также

⁵⁾ Можно указать целый ряд лингвистов, активно работающих в рамках когнитивной парадигмы. За рубежом - это в первую очередь Т.Гивон, Т.А. ван Дейк, Дж.Лакофф, Ч.Филлмор, У.Чейф. Среди советских исследователей одними из первых обратились к когнитивной методологии А.Е.Кибрик и Х.Я.Цим. Весьма близки к когнитивному направлению идеи "концептуального анализа" Н.Д.Арутюновой и семиотический подход к проблемам грамматики Ю.С.Степанова. Основные области применения когнитивных методов в языкознании - лингвистическая семантика и семантико-синтаксическая типология. Обсуждение истоков когнитивного подхода в лингвистике и его обоснование см., в частности, в Баранов А.Н., Паршин П.Б. Процедурный метаязык в лингвистической семантике // Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз., 1990, т. 49, N. 1, с. 16-30.

и собственно аргументативными значениями лексических единиц типа *следовательно, таким образом, итак, легко видеть* и др. С точки зрения когнитивного подхода лингвистическое изучение аргументации следует рассматривать как часть общей модели мышления и коммуникативной деятельности человека, разрабатываемой в когнитивной науке и искусственном интеллекте.

С другой стороны, исследование аргументации в русском дискурсе является одной из важнейших задач теории диалога в рамках русистики, тем более, что аналогичные работы в традиции русского и советского языкознания весьма немногочисленны, и можно утверждать, что исследование аргументации как полноценное направление в научном описании русского языка фактически отсутствует.

Таким образом, основная цель диссертации заключается в построении лингвистической теории аргументации, ориентированной на когнитивную модель аргументирования в рамках русского коммуникативного дискурса. Разработка такой модели требует решения следующих основных задач:

- 1) систематизации существующих метаязыков описания аргументации;
- 2) построения когнитивной модели аргументирования и соответствующего ей метаязыка;
- 3) анализа языковой структуры аргументации в монологической и диалогической перспективе;
- 4) типологизации когнитивных механизмов аргументирования и связанных с ними собственно языковых феноменов;
- 5) анализа конкретных когнитивных механизмов и конкретных языковых единиц, функционирующих в сфере аргументации;
- 6) верификации предложенной теоретической концепции аргументации на фрагментах реального политического дискурса.

Решение этих задач определяет теоретическую новизну диссертационного исследования.

Очерченная таким образом проблемная сфера диссертации предполагает рассмотрение феномена естественной языковой аргументации с самых различных точек зрения, что в конечном итоге позволяет продемонстрировать адекватность предлагаемой теоретической модели. Первое проводимое в диссертации разграничение в описании связано с противопоставлением монологического и диалогического аспектов аргументирования. В монологе аргументация предстает как особый макротип речевого акта со своими специфическими условиями успеш-

ности и принципами реализации в конкретных типах аудитории. Нарушение условий успешности ведет к краху аргументирования. В диалогической перспективе аргументация рассматривается как особый тип минимальной диалогической единицы, включающей тезис и иллокутивно самовинуждаемые им аргументы.

Второе разграничение в описании касается подходов к аргументации со стороны когнитивной модели и с точки зрения собственно языковых структур. В первом случае особое внимание обращается на роль в аргументации когнитивных механизмов оценки, а во втором - на изучение функционирования частиц и общих вопросов русского языка в аргументативном дискурсе.

И, наконец, третье разграничение определяет противопоставление между собственно лингвистическим моделированием языковых структур и более полной когнитивной моделью фрагментов аргументативного дискурса. В качестве собственно языковых структур аргументативного дискурса выступают, например, аргументативные диалогические единицы и частицы в аргументативном диалоге. Более полно описывается ценностно ориентированная политическая аргументации на Первом съезде народных депутатов.

В качестве материала в диссертации используются диалогические аргументативные тексты из произведений художественной литературы, литературно обработанные реальные диалоги, дискуссионные материалы современной публицистики периода перестройки, а также стенографический отчет Первого съезда народных депутатов СССР.

*

*

*

Структурно диссертация состоит из введения, восьми глав, заключения и списка использованной литературы. Во введении формулируются основные задачи работы и обосновывается их актуальность и теоретическая значимость. В первой главе предпринимается попытка построения когнитивной теории аргументации и предлагается основанная на этой теории типология аргументирования. Во второй главе аргументация рассматривается как особый макротип речевого акта и выявляются основные источники коммуникативных неудач в аргументативном дискурсе. Четвертая глава посвящена исследованию аргументации как диалогического феномена; в ней предлагается типология минимальных аргументативных диалогических единиц. В пятой главе основное внимание обращается на функционирование оценки в актах аргументирования. Тема шестой и седьмой глав - изучение

функционирования языковых структур в аргументации. В этих главах описываются аргументативные функции некоторых русских частиц и общих вопросов русского языка. В восьмой главе предпринимается лингвистический анализ двух типов аргументирования - аргументации-торга (на примере диалогов из "Мертвых душ" Н.В.Гоголя) и политической аргументации. В заключении обобщаются основные результаты проведенных исследований и намечаются дальнейшие направления лингвистического моделирования естественной языковой аргументации.

1. МЕТАЯЗЫКИ ОПИСАНИЯ АРГУМЕНТАТИВНОГО ДИАЛОГА

Современная теория аргументации - интегральная дисциплина, использующая инструментарий теории речевых актов, этнометодологии, философии, логики, дискурс-анализа, эпистемологии, праксиологии (теории действий), лингвистической семантики и других наук и научных направлений. В первой главе диссертации обсуждаются некоторые из имеющихся подходов к описанию естественного аргументативного диалога - те, которые существенны для собственно лингвистического исследования аргументации и в которых используются метаязыки, позволяющие описать важные аспекты языковой структуры аргументативного дискурса.

Согласно известному тезису Р.Якобсона основной метод лингвистического исследования заключается в том, чтобы, используя регулярные правила, сопоставить выражениям языка-объекта комплекс выражений другого языка - языка описания или метаязыка. Поскольку каждый метаязык по-разному отображает единицы языка-объекта, то можно считать, что имеющиеся метаязыки выявляют совершенно различные слои содержания аргументативного дискурса (теоретическое обоснование использования метаязыков лингвистической семантики применительно к материалу русского языка см. в работах Ю.Д.Апресьяна, Ю.Н.Караулова, Л.А.Новикова, Т.М.Николаевой и др.).

Каковы же основные существующие метаязыки аргументативного диалога и каковы их описательные возможности? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выделить основные составляющие аргументации.

С семиотической точки зрения аргументация может рассматриваться как особый вид коммуникации, суть которой заключается в специфическом воздействии на сознание адресата языковых выражений, организованных говорящим в соответствии с принятыми в данной

культуре принципами убеждения (эта проблема более подробно разбирается в Главе 2). Как коммуникативный процесс он имеет семантику, синтактику и прагматику. Под семантикой аргументативного диалога в этом случае следует понимать содержание аргументов и тезисов, определяемое отношением актов аргументирования к предмету беседы. Синтактика аргументации определяется последовательностью тезисов, аргументов и контраргументов в процессе диалога; для синтактики конкретного акта аргументации весьма существенно его положение в ряду других аргументационных актов. К прагматическому аспекту аргументирования относятся те принципы и правила, которые обеспечивают уместность, действенность и успешность аргументации. Метаязыки описания аргументативного диалога в первую очередь различаются по тому аспекту аргументирования, который попадает в сферу их внимания.

Семантический слой аргументации, пожалуй, наиболее явная, эксплицитная часть содержательной стороны актов аргументирования; несколько сужая, можно сказать, что семантика аргументации определяется предметом беседы, темой тезисов и аргументов, отражаясь прежде всего в пропозициональном содержании актов аргументирования. Поскольку классическая логика, будучи склонной к манипулированию понятием 'истинности', в исследовании аргументации ориентировалась в первую очередь на анализ пропозициональной части аргументационных актов, отвечающей за "правильность" отображения некоторого положения дел или ситуации внешнего мира, то разрабатывавшиеся в логико-философской традиции метаязыки описания аргументации покрывали те или иные части семантики аргументативных актов в чисто логическом смысле, так как в сферу интересов лингвистической семантики истинность как таковая не входит. Весьма характерно, что в одном из собственно философских подходов необходимой предпосылкой аргументирования считается убежденность говорящего в истинности защищаемого им тезиса; в противном случае речь может идти только о лжериторике (такое представление отстаивается, например, в школе философской аргументации Г.А.Брутяна).

Однако несмотря на наличие такого жесткого ограничения, связывающего семантические свойства высказывания с условиями истинности, в логической традиции возникли метаязыки, отражающие те или иные аспекты семантики аргументации в семиотическом (и лингвистическом) понимании. Весьма показателен в этом смысле подход, представленный в целом ряде работ Н.Гешера, в которых разработа-

вается метаязык, позволяющий фиксировать и эксплицировать суть рассуждений участников аргументативного диалога. В качестве основы метаязыка используется инвентарь т.н. "диалектических шагов" (dialectical moves) и "контршагов" (countermoves) - языковых действий, предпринимаемых участниками аргументации. Типология "шагов" аргументирования фактически задает общую логико-семантическую структуру аргументативного дискурса. Близкие идеи содержатся в исследованиях Ст.Тулмина, Я.Хинтикки, Т.Шпранц-Фогаси и др.

Следует отметить, что в логической традиции ощущается недостаточность понятия истинности для описания естественноречевых высказываний. Более того, в последнее время наметилась явная тенденция к "диалогизации" этой традиционной логической категории: в некоторых формальных системах понятие "истинности-ложности" трансформируется в "известное-неизвестное" и, далее, в "согласие-несогласие" (С.Крипке, Е.Барт и Е.Краббе, Ю.Хабермас). Такое развитие логической теории нельзя не приветствовать.

Следует подчеркнуть, что несмотря на значительный потенциал исследований семантической стороны языковых выражений, логико-философская традиция, будучи ограничена принципами теоретико-истинностной семантики, не смогла в полной мере его реализовать. Существенно иная ситуация сложилась в лингвистической семантике, изначально ориентированной на описание плана содержания высказывания в широком смысле в отвлечении от его реального соответствия действительности. Фактически в этой научной парадигме было сделано то, что категорически отвергала логическая семантика - в основу теории значения было положено понимание языковых выражений и их узус (использование), причем для анализа высказывания часто использовались логические формализмы. Однако в русле лингвистических исследований анализ семантики аргументации не был особой целью; разрабатывавшиеся метаязыки для описания значения предложения были ориентированы на широкую сферу функционирования естественного языка вне зависимости от типа диалога. По-видимому, можно утверждать, что имеющиеся семантические метаязыки - язык семантического представления модели "Смысл-Текст", порождающая семантика, стратификационная грамматика и др. - на первом этапе, по-видимому, могут обеспечить требуемую степень точности описания семантики аргументативного диалога.

Интерес логиков и философов к проблемам истинности доказательства и аргументирования привел к тому, что значи-

тельная часть логических метаязыков оказалась привязана к конкретной рекомендуемой последовательности элементов акта аргументации. В этом случае в область описания метаязыка попадали синтаксические аспекты аргументативного дискурса (ср. например, структуру аргументирования по Ст.Тулмину). Однако наиболее наглядно синтактика аргументации предстает в метаязыках, использующих графическое представление актуального аргументативного диалога. Таков, например, метаязык для описания политической аргументации, предлагаемый группой американских исследователей из MIT⁶). Он позволяет адекватно отобразить не столько реальную последовательность актов аргументирования, сколько логико-семантические и синтаксические отношения между аргументами и характер их взаимовлияния. Результирующее представление имеет вид графа, содержащего узлы следующих типов: "основание утверждения", "утверждение", "оправдание" (warrant), связывающее посылку утверждения и само утверждение, и "обоснование оправдания" (baking support a warrant) - правило, доказывающее уместность оправдания.

Сфера прагматики, изначально определявшаяся в семиотике рамками отношения говорящего к используемым им языковым выражениям, реально стала трактоваться весьма расширительно. Прагматика превратилась в "безразмерную" область, включающую все то, что мало походило на семантику и синтактику. Между тем если исходить даже из минимального набора составляющих ситуации общения - говорящий (Г), слушающий (С), акт аргументирования (АА), действительность (Д) - то отношений будет больше, чем три классических (семантика vs. синтактика vs. прагматика). Все возможные комбинации бинарных отношений на множестве составляющих аргументативного диалога образуют типологию коммуникативных отношений, релевантную не только для аргументирования, но и для любой ситуации общения. Выбранный минимальный набор компонентов аргументации задает следующие аспекты аргументирования:

- (1) АА <-> Д - семантика;
- (2) АА <-> АА - синтактика;
- (3) Г <-> АА - лингвистическая прагматика;
- (4) Г <-> Д - прагматика (в собственном смысле);
- (5) Г <-> С - прагматика коммуникантов;

⁶) Aiker Y.R., Karapin R.S., Quaadgras A.L. Notes of Argument Analysis. Boston, 1985 (preprint).

- (6) АА <-> С - лингвистическая прагматика слушающего;
- (7) Д <-> С - прагматика слушающего (в собственном смысле);
- (8) Г <-> Г - синтактика говорящего (говорящий в отношении к самому себе - ср. "аниматор" - лицо, произносящее высказывание; "автор" - лицо, породившее высказывание; "принципал" - лицо или сторона, чьи представления положены в основу высказывания - Е.Гофман);
- (9) С <-> С - синтактика слушающего (слушающий в отношении к себе и другим слушающим);
- (10) Д <-> Д - синтактика действительности (конечно, только через восприятие коммуникантов).

Для описания некоторых из этих отношений (3-10), относящихся традиционно к области прагматики, разработаны весьма продвинутые метаязыки. Так, противопоставление "говорящий vs. акт аргументации", задающее сферу лингвистической прагматики аргументирования, описывается в метаязыках, в которых аргументация предстает как особый тип речевого акта (см., например, работы Ф. фон Емерена и Р.Гротендорста, см. также ниже Главу 3). Область "говорящего и слушающего", которую можно назвать прагматикой коммуникантов, широко исследовалась в рамках этнометодологии, анализа обыденного разговора (conversational analysis) и дискурс-анализа. В качестве материала здесь чаще всего привлекались интервью и пресс-конференции на политические темы. Именно в этих культур-философских и социолингвистических дисциплинах были выработаны (Д.Кларк, М.Колтхард, М.Монтгомери, Х.Сакс, Т.Тейлор, Е.Шеглов) такие важнейшие понятия, как "общественное лицо" аргументирующего (face), "акты угрозы общественному лицу" (face threatening acts), "коммуникативный ход", "коммуникативная роль", "смена коммуникативной роли" и др.

Для описания области "говорящий vs. внешний мир" (более всего соответствующей исходному пониманию термина прагматика-т. е. прагматика в точном смысле), которая определяет сферу целесообразной деятельности человека, желательно использовать метаязыки, описывающие не только собственно лингвистические особенности устройства аргументирования, но и процессы обработки знаний, то есть те когнитивные механизмы, которые скрываются за многими сложными явлениями языка и речи. Наиболее полно этот аспект аргументативного диалога может быть описан метаязыками, ориентированными на когнитивную модель естественного языка, согласно которой функционирование языковой системы и как средства общения,

и как инструмента познания окружающего нас мира есть не что иное, как комплекс процедур по обработке, усвоению и порождению знаний. Концептуальной основой когнитивно ориентированных метаязыков являются категории знаний, сценариев, фреймов, планов и др. сущностей, описывающих не только особенности устройства языковой системы (ср. использование фреймов в лингвистической семантике⁷⁾), но и процессы мышления человека (ср. работы Р.Абельсона, Т.Винограда, М.Минского, Р.Шенка).

Обращение к когнитивным метаязыкам описания процесса аргументирования вполне органично вписывается в общее стремление к "интегральности" лингвистического описания, которое уже не ограничивается "чистой" семантикой, синтаксисом, морфологией или акустико-фонетическими явлениями. Язык невозможно описать без обращения к процессам мышления и наоборот. Когнитивная методология может рассматриваться как один из шагов навстречу новой, постнеопозитивистской реальности научного мышления, которое не боится оперировать абстрактными категориями, верифицируемыми не только интуицией исследователя, но и компьютерными моделями.

2. КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ЕСТЕСТВЕННОЯЗЫКОВОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Любая теоретическая модель аргументации должна быть в состоянии ответить на два важнейших вопроса:

- (1) Как соотносится функция аргументирования и функция речевого воздействия?
- (2) Какие языковые механизмы скрываются за процессом естественноязыковой аргументации?

С когнитивной точки зрения процесс общения на естественном языке может быть описан как совокупность процедур над моделями мира (в широком понимании) участников ситуации общения, приводящих к передаче знания от одного участника к другому. При этом происходит изменение структур знаний не только у адресата речевого акта, но и у самого говорящего - в его модели мира появляется

⁷⁾ Филдмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XXIII, М., 1989, с. 52-92; Баранов А.Н. Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике: фреймы и сценарии, М., 1987.

знание о том, что некоторая информация передана адресату⁸⁾. Тем самым суть категории речевого воздействия заключается в таком коммуникативном использовании языковых выражений, при котором в модель мира носителя языка вводятся новые знания и модифицируются уже имеющиеся, т.е. происходит процесс онтологизации знания⁹⁾.

В рамках такого подхода речевое воздействие можно рассматривать как совокупность процедур онтологизации знания. Особый класс речевых воздействий можно отнести к аргументативным: это такие случаи воздействия, в которых адресант преследует цель влияния на выбор альтернатив в процессе принятия решений адресатом.

Процесс онтологизации знания (в том числе аргументативной онтологизации) может быть охарактеризован с двух основных точек зрения - с точки зрения верифицируемости (выявление истинности-ложности онтологизируемой информации) и с точки зрения доступности, характеризуемой количеством ресурса (времени, энергии и т.п.), необходимого для подготовки знания к использованию в процессе функционирования системы (человека). Поскольку проблемы верификации в полной мере не входят в сферу интересов лингвистов, более важным для когнитивной лингвистики оказывается аспект (или измерение) доступности знания в процессе его аргументативной онтологизации в диалоге.

Доступность знания может быть описана следующими параметрами: а) "активированностью-неактивированностью" (т.е. степенью готовности к использованию) и б) "эксплицитностью-имплицитностью" (степенью осознанности для субъекта). Комбинаторные сочетания значений параметров образуют следующие онтологические статусы знания: (1) активированность и эксплицитность (а к т у а л и з о в а н н о с т ь - А); (2) активированность и имплицитность (и н г е р е н т н о с т ь или и м м а н е н т н о с т ь - И); (3) не-

⁸⁾ Здесь и далее допускается употребление термина "информация" в значении "знание/знания" (нечто вроде "персонифицированной информации").

⁹⁾ Согласно мнению Р.М.Блакара любое нейтральное непринужденное использование языка "предполагает осуществление власти, т.е. воздействия на восприятие мира и способ его структурирования собеседником" (Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия, М., 1987, с. 91).

активированность и имплицитность (в и р т у а л ь н о с т ь - В); (4) неактивированность и эксплицитность (а т о м а р н о с т ь - АТ). Следует учесть и пятый онтологический статус а б о л ю т н о н о в о г о или не и з в е с т н о г о - Н.

В основе аргументативной онтологизации информации, содержащейся в высказывании, лежат процедуры изменения онтологического статуса знания. В таблицах 1(а,б) представлены две группы случаев изменения онтологического статуса знания - процессы актуализации и виртуализации. Например, процесс актуализации (см. таблицу 1а) имеет достаточно прозрачный языковой смысл, связанный с категориями коммуникативной организации смысла высказывания: уже актуализованные языковые знаки на сигнификативном уровне значения часто интерпретируются в терминах "данного", "известного", "тематического", а на денотативном - в терминах "определенного", "специфицированного" и т.п. Актуализованное знание в дальнейшем, как правило, "деактуализируется" и переводится в долговременную память или просто забывается.

Взгляд на аргументацию как на комплекс операций, вводящих знание в модель мира адресата, хорошо согласуется с процедурным подходом к описанию плана содержания языковых выражений, в рамках которого процесс понимания высказывания членится на два основных этапа: (а) построение адресатом концептуального образа описываемой ситуации; (б) интеграция этого образа в модель мира.

В первом случае аргументация используется для навязывания адресату концептуальных рамок восприятия описываемой ситуации, фиксируемых теми или иными языковыми формами, ср. *Бутылка наполовину полна vs. Бутылка наполовину пуста*. В первом примере говорящий старается навязать слушающему идею достаточности ресурса, а во втором - идею дефицита. Такую аргументацию можно назвать номинативной. В номинативной аргументации широко используется метафоризация, определяющая ту или иную концептуальную модель восприятия объекта (ср. представление о сельскохозяйственной деятельности как о войне в метафорах *фронт уборки, битва за хлеб, стратегия уборки, бойцы сельскохозяйственного фронта*).

Управление способом интеграции знания в модель мира характерно для интегративной аргументации, разделяющей все множество передаваемых смыслов на более и менее важные слои, на более и менее важные составляющие. Наиболее важные части смысла высказывания сосредоточиваются в пропозиции - их предлагается ввести в мо-

Таблица 1. Когнитивные процессы и языковые средства онтологизации знания.

а) актуализация (повышение возможности верификации)

1	И --> А	В --> А	АТ --> А	Н --> А
2	выявление когнитивных категорий, относящихся к сфере бессознательного	выявление когнитивных категорий, относящихся к долговременной памяти	изучение разрозненных представлений и фактов, с целью сведения их в общую картину явления и дальнейшего использования	исследование, определение нового/неизвестного
3	"экспликация", "толкование", "объяснение"	"метафоризация", "экземплификация", "номинация"	"декодирование", "расшифровка", "номинация"	"дескрипция", "именование", "аргументация"
4	'интроспекция', 'анамнезис' (по Платону), 'экстериоризация' (по Виготскому), [некоторые процедуры психоанализа]	'вспоминание', '(собственно) актуализация', 'реминисценция'	'классификация', 'систематизация', 'дедукция', 'типологизация', 'реконструкция'	'анализ', 'классификация/систематизация'

б) виртуализация (понижение возможности верификации)

1	А --> В	АТ --> В	И --> В	Н --> В
2	переведение актуализованного знания в виртуальное	переведение АТ-знания в виртуальную форму	<p style="text-align: center;">?</p> <p style="text-align: center;">(по-видимому, только через актуализацию Н-знания)</p>	
3	"смена темы беседы", "запоминание на основе свойств языковых выражений (по ассоциации, сходству в значении и т.п.)"			
4	'запоминание', 'изменение фокуса внимания'			

Примечания к таблице: графа 1 - тип изменения; графа 2 - сущность изменения; графа 3 - языковые аналоги; графа 4 - отсылка к близким психологическим и когнитивным категориям.

дель мира в первую очередь; в пресуппозиционный компонент попадает менее значимая, общеизвестная информация. Для подобной стратификации плана содержания высказывания широко используется служебная лексика; ср., например, конструкции с *даже*: *Даже если все придут меня уговаривать - ни за что не соглашусь*. Для понимания таких высказываний слушающему предлагается построить иерархически упорядоченное множество возможностей, которое "увенчано" последней ситуацией - 'все приходят упрасивать говорящего'.

Заметим, что номинативная и интегративная аргументации отнюдь не противопоставлены друг другу и могут сочетаться в одном речевом акте. Однако каждому из этих типов соответствуют свои специфические языковые структуры, связанные с процессом онтологизации знания. Так, метафоризация - более характерна для номинативной аргументации, а служебная лексика - для интегративной.

Аргументативное изменение онтологического статуса знания может опираться как на собственно языковые, так и на когнитивные механизмы, к числу которых принадлежит процесс приватизации знания. В теории пропаганды и теории рекламы давно было замечено, что лучше всего усваивается не то знание, которое эксплицитно представлено в пропозиции, а то, которое имплицитно и содержится в логических предпосылках и пресуппозициях высказывания. Так, реклама "Вольво" 1978 года. *Автомобиль, который может вернуть вам доверие к машинам. "Вольво" - автомобиль, в который вы можете верить* предполагает, что читатель проведет следующее правдоподобное рассуждение: современные автомобили ненадежны; поскольку данный автомобиль "возвращает доверие к автомобилям" и можно верить в его положительные качества, постольку он должен быть надежным.

В подобных примерах выявление имплицитной информации требует от нас совершения некоторых дополнительных операций, которые, как это ни удивительно, способствуют усвоению нового (и часто далеко не бесспорного) знания. Иными словами, действенность имплицитной информации основана на относительной сложности ее извлечения, точнее, на том, что адресат уже затратил на ее получение дополнительные интеллектуальные усилия. А то, что дается человеку с трудом, представляет для него - чисто психологически - куда большую ценность, чем "поданное на блюдечке". "Добытое потом" становится своим. Затраты усилий при усвоении знания (его онтологизации) определяют степень привативности знания, то есть степень его субъективной близости, персонализации.

Разумеется, во всем нужна золотая середина: есть порог затраты дополнительных усилий. Он зависит, с одной стороны, от ценности выявляемого знания, а с другой - от имеющихся у человека интеллектуальных ресурсов. Если ценность знания, полученного при приложении значительных усилий, невелика, то его привативность резко снижается.

Весьма показательное использование приватизации знания в современной политической аргументации. Один из наиболее популярных способов приватизации знания, широко используемый современными "ловцами человеческих душ", заключается в том, что тезис или аргумент вводится в грамматической форме вопроса. В этом случае слушающий, как минимум, должен выделить из вопроса отстаиваемый тезис и попытаться угадать, разделяет ли этот тезис говорящий. Разумеется, аргументирующий старается "помочь" сделать адресату правильный выбор. Вот характерный пример: *Можно ли все грехи огульно разом валить на торговлю? ... При огромном росте денежных доходов населения рост производства идет почти незаметно, и торговля при всех условиях не может обеспечить весь существующий спрос.* Вопрос, вводящий тезис аргументации, является, по существу, риторическим, поскольку слова *огульно, разом* достаточно ясно отражают позицию говорящего. Однако дополнительное размышление над тезисом адресату аргументирования обеспечено¹⁰⁾.

Когнитивная модель аргументации дает нам комплекс эвристик для исследования естественных языковых феноменов с точки зрения их функционирования в аргументативном диалоге. Когнитивные механизмы аргументации - онтологизация знания и стоящие за ней номинативный и интегративный типы аргументирования, а также приватизация знания - задают основные ориентиры поиска соответствующих языковых структур, используемых в аргументативном воздействии. Вне когнитивной модели изучение языковых феноменов аргументирования очень затруднено, поскольку языковых единиц, используемых только в аргументации, в естественном языке довольно мало. Перейдем к собственно лингвистическому исследованию аргументации, начав со сферы лингвистической прагматики.

¹⁰⁾ Заметим, что приватизация знания позволяет объяснить, в чем заключается "художественная сила" воздействия идиоматики - нерегулярность правил сложения смыслов усложняет понимание и тем самым способствует онтологизации знания.

3. ПРАГМАТИКА ЕСТЕСТВЕННОЯЗЫКОВОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

До самого последнего времени изучение процесса аргументирования сводилось к анализу его логической стороны, т.е. к выявлению непротиворечивости выдвигаемого тезиса, к определению условий его истинности и т.д. Между тем в изобилии имеются примеры неуспеха аргументации при логической правильности используемых в ней аргументов (ср., например, известную нам из Платона сцену суда над Сократом). Неуспех аргументации очень часто зависит от прагматических факторов аргументирования, определяемых отношениями "говорящий vs. акт аргументации (лингвистическая прагматика)", "говорящий vs. слушающий (прагматика коммуникантов)". Основу этих отношений образуют условия успешности аргументации как особого типа речевого акта (РА).

Согласно теории речевых актов, условия успешности задают те социально и культурно зависимые рамки употребления высказывания, которые обеспечивают его нормальное функционирование и дают возможность говорить о его уместности. Категория уместности аргументирования должна рассматриваться здесь не как факт достижения желаемого цели, а как факт признания слушающим прав говорящего на произнесение в данной ситуации данного типа речевого акта.

Интуиция подсказывает, что аргументация как тип РА ближе всего к утверждению и побуждению. Действительно, в каждом акте аргументации присутствуют пропозициональный компонент, содержание которого передается адресату, и желание повлиять на его выбор в процессе принятия решений. В отличие от простых РА, акт аргументирования имеет сложную структуру, включающую тезис T и связанные с ним аргументы $A_1 \dots A_n$. Сравним условия успешности аргументирования, представленные в таблице II, с условиями успешности утверждения и побуждения.

Анализ показывает, что "побудительно-утвердительная" природа процесса аргументации находит отражение в некоторых аналогиях между условиями успешности утверждений и побуждений, с одной стороны, и условиями успешности макроакта аргументации - с другой. Действительно, предварительные условия "а*", "а**", "б" аргументации аналогичны следующим предварительным условиям утверждения: "Г имеет основания считать суждение p истинным" и "Ни для Г, ни для С не очевидно, что С знает, что p или не нуждается в напоми-

Таблица II. Условия успешности макроакта аргументации (Г - говорящий, С - слушающий).

Пропозициональное содержание	Предварительные или подготовительные условия	Условия искренности	Условия назначения ("сущностные" условия)
<p>а. Т - произвольное суждение, истинность которого С должен осознать, проанализировав A_1, \dots, A_n.</p> <p>б. A_1, \dots, A_n произвольные суждения.</p>	<p>а*. Г имеет основания считать Т истинным.</p> <p>а**. Г имеет основания считать A_1, \dots, A_n истинными.</p> <p>б. Ни для Г, ни для С не очевидно, что С не нуждается в доказательстве Т или в напоминании доказательства Т.</p> <p>в. С в состоянии понять Т и A_1, \dots, A_n.</p> <p>г. Ни для Г, ни для С не очевидно, что при нормальном ходе событий С сам поймет и докажет Т.</p> <p>д. Ни для Г, ни для С не очевидно, что С знает A_1, \dots, A_n как доказательства Т.</p>	<p>а. Г считает, что Т истинно и хочет, чтобы С знал, что Т истинно и/или почему Т истинно.</p> <p>б. Г считает, что A_1, \dots, A_n истинны.</p>	<p>а. Данный акт рассматривается как сообщение о действительном положении вещей и как попытка Г добиться того, чтобы С знал, что Т истинно и/или почему Т истинно.</p> <p>б. Тезис Т и аргументы A_1, \dots, A_n вводятся в общее поле зрения Г и С.</p>

нании". Предварительные условия аргументации "б" и "г" имеют аналогии, соответственно, в двух предварительных условиях побуждения: "С в состоянии совершить действие, описываемое р", "Ни для Г, ни для С не очевидно, что С при нормальном ходе событий сам по себе совершит указанное действие". Такие параллели между условиями успешности рассматриваемых типов речевых актов можно легко умножить, однако обращает на себя внимание специфическая трансформация условий успешности утверждения и побуждения в контексте аргументности определяет уместность процесса аргументирования и в том случае, когда слушающий разделяет мнение говорящего об истинности тезиса *T*, но не знает доказательства *T* (ср. противопоставление 'вера vs. знание'; ср. также предварительное условие аргументации "д"). Последнее проявляется также в соответствующей модификации условия назначения "а".

Представляется необходимым отметить еще одну особенность условий успешности речевого макроакта аргументации, заключающуюся в том, что если выполнение предварительного условия "а*" и условия искренности "а" является непременной предпосылкой уместности и успешности аргументирования, то предварительное условие "а**" и условие искренности "б" в ряде ситуаций аргументативного диалога не выполняются. Такое положение дел характерно для тех случаев, когда у адресата имеется презумпция искренности аргументатора, относящаяся к выдвигаемому им тезису. Например, адресат доверяет аргументатору, полагая, что тот не может по ряду причин обнародовать истинные аргументы, или адресат понимает, что он не сможет усвоить истинной аргументации (ср. осознаваемое обеими сторонами искажение аргументов в научно-популярной литературе).

Предлагаемая модель прагматики аргументирования обладает определенной предсказательной силой, указывая возможные контексты коммуникативных неудач. Заметим, что следует отличать коммуникативную неудачу от недостижения цели аргументирования – убедить в чем-либо адресата. При коммуникативной неудаче адресат отклоняет не аргументы говорящего, а саму претензию, попытку реализовать акт аргументации, ср. – *Он не пришел, потому что заболел. Вы не думайте, он не хотел вас обмануть. – Да я знаю.* В последнем примере нарушено условие успешности аргументирования "д", согласно которому ни для говорящего, ни для слушающего не очевидно, что слушающий не нуждается в доказательстве тезиса *T* или в напоминании этого доказательства.

Представленные в диссертации соображения о необходимости рассмотрения процесса аргументации в рамках теории РА порождают ряд важных теоретических проблем, которые в той или иной мере уже выкристаллизовались в научных дискуссиях последних лет. Так, решение вопроса об условиях протекания аргументативной онтологизации знания и об ее прагматических факторах привело к необходимости введения новой категории речевых актов – макроакта аргументации, включающего более элементарные, простые РА ("микроакты" по ван Дейку). Существенно, что эта категория не является диалогической сущностью (хотя и прямо связана с диалогом) и характеризует коммуникативную деятельность одного участника ситуации общения – аргументирующего, что позволяет непосредственно распространить на нее концептуальный аппарат теории речевых актов.

4. ЕСТЕСТВЕННОЯЗЫКОВАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ КАК ДИАЛОГ

Аргументация – это не только особый тип речевого акта, но и диалог – совместная творческая деятельность коммуникантов, часто требующая от них полной реализации языковой и коммуникативной компетенции. Рассмотрение аргументирования в диалогической перспективе предполагает поиск ответов на следующие проблемные вопросы:

- (1) Как связаны между собой реплики отдельных говорящих в аргументации?
- (2) Каковы базовые единицы аргументирования как диалога?
- (3) Что можно сказать о языковой структуре аргументативных диалогических единиц?

"Диалог как языковая категория, – пишет Н.Ю.Шведова, – есть обмен такими высказываниями, которые естественно порождаются одно другим в процессе разговора. Эта взаимосвязанность высказываний в диалоге есть всегда взаимосвязанность не только смысловая, но и языковая (разрядка наша – А.Б.)"¹¹). Действительно, многие исследователи естественного диалога отмечали наличие многочисленных связей между диалогическими репликами, причем собственно смысловые связи составляют едва ли не меньшую часть отношений внутри сложного диалогического комплекса (ср. работы Н.Д.Арутюно-

¹¹) Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи, М., 1960, с. 281.

вой, И.П.Севбо, Б.Гроз и К.Сиднера, Л.Полани, Р.Ша и др.). Один из типов диалогических связей - связь между репликами по коммуникативно-целевому назначению или иллокутивным функциям (ср. устойчивые последовательности "вопрос-ответ", "просьба-согласие/отказ" и т.п.). Связь такого рода можно назвать иллокутивным вынуждением¹²⁾.

Одна реплика (например, вопрос) может иллокутивно вынуждать другую (например, ответ). В последовательности "вопрос-ответ" вопрос является иллокутивно независимым коммуникативным (или речевым) актом, а ответ - иллокутивно зависимым. Иными словами иллокутивно независимый коммуникативный акт <в данном отрезке диалога> - это коммуникативный акт, иллокутивное назначение которого на данном шаге определяется исключительно интенциями самого говорящего, а иллокутивно зависимый коммуникативный акт <в данном отрезке диалога> - это коммуникативный акт, иллокутивное назначение которого формируется под влиянием иллокутивного назначения какой-либо предшествующей реплики <из данного речевого отрезка>. Соответственно, можно говорить об иллокутивно независимой иллокутивно зависимой репликах.

В паре реплик - *Я тебе не помешаю? - Нет, конечно* первая реплика (иллокутивно независимая) иллокутивно вынуждает вторую (иллокутивно зависимую). Связь между вопросом и ответом весьма сильна: вопрос иллокутивно вынуждает ответ в сильном смысле. Собственно, в условиях успешности ответа имеется отсылка на предшествующий вопрос. Совершенно иная ситуация в диалогических последовательностях типа - *Как здесь здорово! - Да, горный воздух, речка рядом*. Между этими речевыми актами, несомненно, существует иллокутивное вынуждение, однако иллокутивное назначение второй реплики испытывает лишь частичное воздействие иллокутивной составляющей вынуждающего коммуникативного акта. Другими словами, отсутствие оценочной реакции адресата в данном случае нельзя рассматривать как серьезную коммуникативную неудачу. Ответ же на вопрос совершенно обязателен¹³⁾.

12) Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Речевое взаимодействие в диалоге и понятие иллокутивного вынуждения // В печати.

13) Заметим, что отношением иллокутивного вынуждения могут

Отношение иллокутивного вынуждения может иметь место не только между репликами разных лиц, но и между репликами одного лица, ср. *Хочу поделиться с тобой. Вчера меня вызвали к начальству...* . В этом случае можно говорить об особом типе иллокутивного вынуждения - об иллокутивном самовынуждении, особенно важном для аргументативного диалога (см. ниже).

Из определения иллокутивного вынуждения следует, что оно определено на фиксированном отрезке диалога, т.е. коммуникативный акт, будучи в одной последовательности иллокутивно вынуждающим (вынуждаемым), в другой может оказаться иллокутивно вынуждаемым (вынуждающим). Например, в диалоге - *Я тебе не помешал? - Нет, конечно. - Это хорошо. Уж больно уходить не хочется.* реплика *Нет, конечно* одновременно является и иллокутивно вынуждаемой (вопросом *Я тебе не помешал?*), и иллокутивно вынуждающей (по отношению к реплике *Это хорошо*). Однако существуют иллокутивно абсолютно независимые коммуникативные акты (для них нельзя найти акт, который бы их вынуждал) и иллокутивно абсолютно зависимые коммуникативные акты (которые не вынуждают никаких других актов). Так, в предшествующем примере (если считать, что он образует законченный диалог) первая реплика *Я тебе не помешал?* является иллокутивно абсолютно независимой, а последняя - *Уж больно не хочется уходить* - иллокутивно абсолютно зависимой.

Введенные категории позволяют построить определение минимальной диалогической единицы (МДЕ). Это такая последовательность

быть связаны и невербальные коммуникативные акты, например, *Я подмигнул ей. Она улыbnулась мне в ответ*, а также невербальный акт с вербальным, ср. фрагмент диалога Клопа Говоруна с А. Приваловым из повести А. и Б. Стругацких "Сказка о тройке": *Хорошо, хорошо, - с раздражением вскричал клоп... Но, может быть, хоть один представитель гомо сапиенс снизойдет до прямого ответа на соображения, которые мне позволено было здесь высказать? ... Или у него нет аргументов, доступных пониманию существа, которое обладает лишь примитивными инстинктами? " И тут я не выдержал. У меня был аргумент, доступный пониманию, и я его с удовольствием использовал. Я продемонстрировал Говоруну свой указательный палец, а затем сделал движение, словно бы стирал со стола упавшую каплю.* Вопросы Клопа Говоруна в рассмотренном примере иллокутивно вынуждают семиотически значимое действие А. Привалова.

■ коммуникативные акты одного участника (пропонента) содержат среди прочих тезис и самовынуждаемые им аргументы;

■ коммуникативные акты другого участника (оппонента) содержат среди прочих иллокутивно вынуждаемые тезисом контртезис и/или иллокутивно вынуждаемые аргументами контраргументы, которые одновременно находятся в отношении иллокутивного самовынуждения с контртезисом.

Односторонней аргументации (один из участников пассивен) соответствует МДЕ со следующей иллокутивной структурой:

■ коммуникативные акты одного участника (пропонента) содержат среди прочих тезис и самовынуждаемые им аргументы;

■ коммуникативные акты другого участника могут в прототипическом случае иллокутивно поддерживать коммуникативные акты пропонента, но не содержат контртезиса и контраргументов.

Визуализацию структур иллокутивных вынуждений можно рассматривать как метод исследования "синтаксиса" диалога, позволяющий выявлять устойчивые последовательности реплик коммуникантов, отражающие их иллокутивный вклад в диалог.

5. КОГНИТИВНЫЕ ФЕНОМЕНЫ АРГУМЕНТИРОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ: РЕЧЕВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОЦЕНКИ

Роль оценки в аргументации определяется тем местом, которое занимает оценивание в процессе принятия решений. Выбор альтернативы, ведущей к разрешению проблемной ситуации, невозможен без предварительной оценки имеющихся возможностей. Тем самым аргументативное воздействие на факторы оценивания является одним из наиболее действенных видов естественоязыковой аргументации.

Такая интерпретация оценочных категорий опирается на следующую структуру когнитивной процедуры оценивания:

- (i) выбор объекта (предмета) оценки;
- (ii) выбор признака (основания) оценки;
- (iii) сопоставление предмета оценки с оценочным признаком;
- (iv) выбор значения признака оценки;
- (v) приписывание значения признака оцениваемому объекту;
- (vi) ориентация акта приписывания признака оценки на возможность участия в процессе принятия решения (последний включает выявление альтернатив разрешения проблемной ситуации, оценку альтернатив, выбор одной из них).

Включенность в процесс принятия решений - основная когнитивная и семантическая характеристика оценки, определяющая ее аргументативный потенциал (ср. "рекомендательную" функцию оценки по Р.Хэару).

Естественноречевые рефлексы ментальной процедуры оценивания сосредоточены преимущественно в области иллокутивной семантики и в сфере лексического значения. В первом случае следует говорить о речевом акте оценки, а во втором - о соотношении оценочных и дескриптивных смыслов в плане содержания слова. Компоненты содержания оценки как особого типа речевого акта определяются структурой ментальной процедуры оценивания. Языковая оценка говорящим объекта X как q (как обладающего характеристикой q) означает, что 'говорящий, определив некоторый признак Q [основание оценки], сопоставив Q с X , выбрав на основании сопоставления q [значение признака Q] и полагая, что выбор q для X может влечь некоторое следствие Y [аналог акта принятия решения] говорит: q (есть) характеристика X '.

При таком подходе сема 'характеристика' выступает как инвариант дескрипции и оценки. Варьирование оценочных и дескриптивных свойств характеристики q определяется эксплицитностью переменных Q и Y . Переменная Q представлена признаком (основанием) оценки и соответствующей этому признаку шкалой; q выражает конкретное значение признака Q . Предположительная связь q с Y отражает представления говорящего об участии оценки в акте принятия решения, то есть о "рекомендательной" силе оценивания. Чем менее определен признак Q , его шкала, выбор q и основания этого выбора, чем меньше ясности с принятием решения Y , тем меньше собственно оценочных свойств у характеристики q . Тем самым, истинная оценка отличается от истинной дескрипции прежде всего к а у з а л ь н о с т ь ю (то есть наличием обоснования характеристики q - установлением признака Q и сопоставлением его с X), в ы б о р о м (выбор значения признака Q на основании его сопоставления с X) и о р и е н т а ц и е й н а а к т п р и н я т и я р е ш е н и я .

Ориентация на акт принятия решений и составляет суть аргументативной функции оценивания - "рекомендательная" сила оценки есть аргумент.

В лексической семантике ментальная процедура оценивания проявляется как фактор, регулирующий распределение дескриптивных и оценочных смыслов в плане содержания слова. В словах типа *хорошо*

и плохо превалирует оценочный компонент, при том что дескриптивное употребление этих чисто оценочных предикатов вполне возможно - ср. интерпретацию выражения *хороший автомобиль* как 'автомобиль, принадлежащий к классу хороших автомобилей'. С другой стороны, чисто дескриптивные прилагательные типа *зеленый, красный* вполне допускают оценочное употребление, на основе которого может формироваться новое значение, ср. *Это яблоко слишком зеленое, сорви другое, вон то - красное.*

В диссертации обосновывается необходимость различения по крайней мере четырех типов оценок: количественных - К-оценок (как вида дескриптивных оценок - суждения о количестве чего-либо в связи с принятием решений), прототипических - П-оценок (суждения о том, много или мало чего-либо), гомеостатических или целевых - Г- или Ц-оценок (суждения о достаточности или недостаточности чего-либо для достижения цели) и общих - О-оценок (суждения о том, хорошо или плохо что-либо).

Каждой из оценок сопоставляются соответствующие оценочные шкалы. Шкалу количественных оценок можно представить в виде оси, элементы которой расположены слева направо в порядке возрастания. В зависимости от ситуации элементам приписывается соответствующая размерность (*штука, килограмм, метр* и т.д.). Шкала прототипических оценок усложнена в том отношении, что на ее элементах определены области минимума, максимума и П-нормы. Значение некоторого признака Q , характеризующего положение вещей W , будет для W *п р о т о т и п и ч е с к о й н о р м о й* (П-нормой), если оно присуще большинству обладающих данным признаком положений вещей из некоторого множества A , к которому принадлежит W , или если оно присуще W в большинство моментов его существования.

На шкале целевых оценок слева направо уменьшается легкость в достижении некоторой цели i , соответственно, возрастают усилия, необходимые для этого. Кроме областей максимума, минимума и Г-нормы, шкала гомеостатических оценок имеет еще область расширения Г-нормы (см. ниже). Значение некоторого признака Q будет *г о м е о с т а т и ч е с к о й н о р м о й* (Г-нормой) при достижении цели i , если оно позволяет достичь i , приложив усилия меньшие или равные П-норме (термин "усилия" может характеризовать здесь затрату любого ресурса, имеющегося в распоряжении субъекта). *Р а с ш и р е н и е Г - н о р м ы* (pГН) образуют те из значений признака Q , при которых достижение цели i требует приложение чрезмерных

(то есть больших П-нормы) усилий или чрезмерного расходования какого-либо другого ресурса. Расширенная Г-норма (РГН) при такой интерпретации представляет собой "соединение" Г-нормы и ее расширения. Заметим, что введенные понятия П- и Г-норм естественно коррелируют с двумя важными значениями естественноязыкового слова *норма*: 'П-норма' соответствует *норме* как "узаконенному установлению/установленной мере чего-либо", а 'Г-норма' - *норме* как "образцу, правилу", требующему подражания и действия; в этом смысле Г-норма более императивна.

В качестве аргументов могут использоваться и Г- и П-оценки с их нормами, ср., соответственно, *Нам нужно больше. Это слишком мало для проведения качественного опыта и Надо добавить. Это же меньше, чем обычно!* Однако в ситуации торга наиболее действенной оказывается апелляция к Г-оценкам, позволяющим указывать на то, что проситель готов удовольствоваться малым.

Прохождение всех уровней оценивания - К-оценка -> П-оценка -> Г-оценка -> О-оценка - соответствует полной аксиологической процедуре, задающей основные направления аксиологического анализа ситуации. В иерархии уровней оценивания слева направо уменьшаются дескриптивные свойства оценочных слов и увеличиваются их собственно оценочные свойства.

Последовательное разграничение типов естественноязыковой оценки позволяет, с одной стороны, объяснить специфические особенности употребления некоторых оценочных предикатов (например, сочетаемость прилагательных неострого контраста, совмещающих шкалы П- и Г-оценок: *небольшой* - 'меньше П-нормы и равно Г-норме', ср. **Эта небольшая комната мне не подойдет* при естественности *Эта небольшая комната мне вполне подойдет*), а с другой - выявить аргументативный потенциал оценочных паремий¹⁵⁾.

¹⁵⁾ Подробнее см. соответствующую главу и Баранов А.Н. К описанию семантики наречий степени (*едва, еле, чуть, немного*) // Филологические науки, 1984, № 3. Интересно, что если наречие *мало* в разных значениях указывает либо на 'меньше П-нормы', либо на 'меньше Г-нормы', а *немного* совмещает оценочные шкалы П- и Г-оценок по зонам 'меньше П-нормы и равно Г-норме', то *маловато* соответствует совершенно иной стратегии оценивания: здесь нечто вроде 'меньше Г-нормы, но различие между тем, что имеет место, и Г-нормой меньше П-нормы', ср. *Маловато будет!*

В диссертации предлагается типология паремий, основанная на стратегиях оценивания. Выделяются четыре группы паремий. В первой группе реализуются стратегии с исходной количественной оценкой (К-оценка → П-оценка: *Одна пчела - мало меду*; К-оценка → Г-оценка: *Одним конем все поле не изъездишь, Одно полено гореть не будет*; К-оценка → О-оценка: *Две жены - неприятность*); во второй - стратегии с исходной прототипической оценкой (П-оценка → Г-оценка: *Скоро поедешь - не скоро доедешь*; П-оценка → О-оценка: *Лучше меньше, да лучше*). Последние два типа бинарных стратегий - с начальными Г- и О-оценками - представлены в рассмотренном материале довольно скудно. Ср. Г-оценка → О-оценка: *Что не годится, то и худо*; О-оценка → О-оценка: *Что худо, то и плохо, Что плохо, то и худо*. Первые две стратегии оценивания, как правило предусматривают дополнение неполной оценочной процедуры до полной - до Г- и О-оценок.

Приведенный в диссертации материал позволяет сформулировать следующий *постулат предпочтения аксиологии паремии*: если некоторая оценка является исходной в стратегии оценивания, то она сочетается либо с самой собою, либо с теми типами оценок, которые находятся справа от нее в последовательности "К-оценка → П-оценка → Г-оценка → О-оценка", отражающей полную аксиологическую процедуру.

Постулат предпочтения и полная аксиологическая процедура весьма значимы с точки зрения аргументирования. В аргументативном диалоге весомость оценочных аргументов повышается от количественных к общим оценкам, поскольку при этом растет "рекомендательная" сила аргумента. Так, фраза, *Не делай этого, потому что сейчас три часа* не универсальна как аргумент, поскольку в аргументативной интерпретации она требует специального контекста (например, указания на то, что уже поздно или рано - наведение Г- или П-оценки), а фраза *Не делай этого, потому что это плохо* однозначно воспринимается как аргументативная.

В пятой главе обсуждается также семантика выражений *по крайней мере* и *по меньшей мере* и выявляется их аргументативный потенциал, связанный с присутствием в их значениях специфических оценочных смыслов и стратегий оценивания.

6. ЯЗЫКОВЫЕ ФЕНОМЕНЫ В АРГУМЕНТИРОВАНИИ:
ЛЕКСИКА В АРГУМЕНТАТИВНОМ ДИАЛОГЕ

Рефлексы когнитивных механизмов аргументирования не ограничиваются областью иллокутивной семантики и не сводятся к аргументации как макротипу речевого акта (и связанным с ним другим РА - оцениванию, экземплификации и т.п.). Другая сфера проявления когнитивных аргументационных процессов - лексическая семантика. Лексические значения многих слов, даже не будучи узко ориентированы только на аргументативный диалог, далеко не безразличны к аргументативным смыслам. В диссертации предлагаются два возможных подхода к классификации лексических единиц, репрезентативных именно для аргументативного диалога.

Первый подход основывается, преимущественно, на лингвистических параметрах. С лингвистической точки зрения весьма существенно, какие языковые единицы могут быть использованы при введении в аргументативный диалог тезиса и аргументов.

Лексические способы представления тезиса определенным образом коррелируют с иллокутивной семантикой соответствующих РА. Наиболее естественная процедура введения тезиса - использование эксплицитного модуса с глаголами мнения (форма первого лица единственного числа настоящего времени): *(пред)полагать, считать, думать* и др. Они вводят пропозицию, истинность которой, как становится ясно говорящему, требует доказательства. Тем самым говоря *Я полагаю/думаю (и т.д.), что P*, аргументирующий одновременно утверждает, что *P*, и допускает сомнения в истинности *P* со стороны слушающего. Опущение эксплицитного перформатива защищает тезис, поскольку при этом утаиваются сомнения говорящего, однако в этом случае тезис отчасти выводится из сферы явного аргументирования.

Эксплицитный модус с глаголами мнения в функции введения аргумента менее желателен, поскольку использование таких глаголов свидетельствует о постановке проблемы, а не о ее решении, ср. характерный пример рефлексивного мышления *Я думаю (хотя это, конечно, не аргумент), что ...*

Иллокутивная семантика тезиса аргументации несовместима с когнитивными состояниями знания и веры. Введение пропозиции эксплицитным модусом знания - *Я знаю, что P* - неизбежно влечет отрицание возможности обсуждения ее истинности. По тем же причинам нежелательно введение тезиса модусом веры - *Я верю, что P*.

В некоторых случаях иллокутивная семантика тезиса аргументации подвергается серьезному испытанию – используемые приемы введения тезиса могут зачеркивать весьма существенные аргументативные смыслы, являющиеся важнейшей частью иллокутивной составляющей тезиса. Проведение такой операции требует особой осторожности, поскольку может легко привести к тому, что Э.Вендлер назвал "иллокутивным самоубийством", ср. *Я лгу, что Р, *Я обманываю, что Р и т.п. Тем не менее некоторые искусники умудряются вполне успешно применять основанные на зачеркивании риторические фигуры, ср. *По моему мнению, ни на чем, впрочем, не основанному... , Я понимаю, что не имею на это права, но скажу, но скажу..., Кто я такой, чтобы судить о..., но мне кажется, что ..., Я, конечно, не являюсь специалистом в этом вопросе, но ...* и т.п. Риторическая цель таких приемов введения аргумента совершенно очевидна – предупредить возможную критику, поставив себя в "слабую" позицию и продемонстрировать свою осведомленность о рамках применимости последующего суждения. Разумеется, зачеркивание элементов иллокутивной семантики тезиса используется и как средство приватизации знания.

Особую задачу представляет исследование внутренней структуры тезиса. Тезис может включать элементы (i) расширяющие его сферу действия – генерализаторы (*вообще, все, большинство, в целом, шире*) и (ii) сужающие, уточняющие ее относительно первоначально указанного множества объектов, событий, свойств и т.п. – спецификаторы (*в особенности, в первую очередь, особенно, главным образом*). Использование генерализаторов позволяет расширить сферу действия уже доказанного тезиса, не приводя дополнительных аргументов. С другой стороны, спецификаторы дают возможность устранить безапелляционность тезиса, смягчив ее за счет фигуры "уточнения".

Собственно смысловая классификация аргументативных маркеров должна учитывать, по крайней мере, следующие отношения: (1) аргумент и его источник; (2) аргумент и тезис; (3) аргумент и действительность; (4) аргумент и истинность; (5) аргумент и правило аргументирования. Первый класс показателей: с с н л к а н а и с т о ч н и к (отношения "аргумент-источник", "аргумент-правило аргументирования"). Здесь выделяется несколько подгрупп: (1) ссылка на авторитет – как показал/говорил/утверждал/отмечал Декарт/Спиноза/Лейбниц/Хинтикак/Фершлюгенхаймер; (2) ссылка на общеизвест-

ность - известно (со времен...), общеизвестно, стало общим местом ...; (3) ссылка на предшествующий контекст - как указывалось, как отмечалось, как было сказано; (4) ссылка на самого адресата - ведь ты/ты сам сказал.

Второй класс показателей: а п е л л я ц и я к а д р е с а т у (отношение "говорящий-адресат"). В этот класс входят маркеры, указывающие на доверительность аргумента и честность аргументатора - между нами (говоря), признаюсь, уверяю вас, ну (в функции признания), честно говоря, по-честному и др. Некоторые конструкции этого класса обладают интересными особенностями. Так, выражение *если угодно, P/P, если угодно* в аргументативной функции говорит о том, что (i) *P* - модифицированный аргумент для некоторого тезиса *T*; (ii) аргумент *P* модифицирован для того, чтобы его понял адресат; (iii) имеется немодифицированный аргумент для *T*, более точно отражающий положение дел. Такое введение аргумента сопровождается целым рядом неприятных для адресата импликаций - говорящий упростил аргумент специально для адресата; адресат не понял предшествующего неупрощенного аргумента и т.д.

Третий класс показателей: с с л к а н а о ч е в и д н о с т ь (отношения "аргумент-тезис", "аргумент-истинность"), ср. лексеми типа *действительно, понятно, ясно, ведь, да* (в "выделительном" значении) и др. Четвертый класс показателей: и р р е а л ь н ы й а р г у м е н т (отношения "аргумент-тезис", "аргумент-действительность"). Такие аргументативные маркеры, характерные для аргументации от противного, отсылают к одному из возможных миров, ср. *пусть, предположим, будем считать, казалось бы*. В пятом классе аргументативных маркеров в качестве способа указания на аргумент используется обращение к процессу аргументирования и его форме. Сюда относятся ссылки на порядок следования аргументов (*во-первых, во-вторых* ...), на начало процесса аргументирования (*рассмотрим, обсудим*), указание на переформулировку тезиса или предшествующего аргумента (*иными словами, иначе говоря, так сказать*).

Особый класс - шестой - образуют э к з е м п л и ф и к а т о р ы, функционирующие как показатели аргументов-примеров. Экземплификация предполагает наличие тезиса, экземплификационного множества (Э-множества) и процесса выбора одного или нескольких примеров из Э-множества. По семантике экземплификация близка кон-

трастированию и перечислению, с которыми ее сближает, соответственно, наличие множества, из которого производится выбор и возможность эксплицитного упоминания всех его элементов. Для типологии экземпляфикации оказывается существенным (i) характер структуры Э-множества; (ii) способ выбора примера; (iii) семантическое отношение между примером и тезисом. По двум первым параметрам выделяются и е й т р а л ь н ы е экземпляфикаторы, не налагающие на Э-множество никаких ограничений, ср. например, у р а в н и в а ю щ и е экземпляфикаторы, указывающие на неструктурированность Э-множества и на отсутствие предпочтения в выборе - ну (в одном из значений), *хоть, вот*, ср. *А теперь уже все равно. Хоть направо иди, хоть налево* (семантика уравнивающих экземпляфикаторов часто совмещается с идеей легкости выбора примера - *Необходимо стараться победить в себе лень. Взять хоть меня.../Взять вот меня...*); экземпляфикаторы в ы д е л е н и я , обращающие внимание на особый статус выбранного примера и, тем самым, наводящие структуру на Э-множество, ср. *прежде всего, в первую очередь*; экземпляфикаторы у м о л ч а н и я , ставящие в известность адресата о том, что примеры есть, но не актуализованы в данном акте аргументации, ср. *и т.д. (и так далее)*, и др. *(и другие)*, и пр. *(и прочие)* и др.

Второе измерение классификации экземпляфикаторов задается семантическим отношением между примером и тезисом. В экземпляфикации превалируют отношения 'часть vs. целое' и 'абстрактное vs. конкретное' (первый член - тезис, второй - аргумент). Последняя оппозиция представлена экземпляфикаторами типа *а именно, точнее, в частности*, ср. *(сравните)*. Противопоставление 'часть vs. целое' распадается на целый ряд оппозиций, среди которых следует упомянуть следующие: 'целое vs. выделенный элемент целого' - *прежде всего, в первую очередь*; 'целое vs. произвольный элемент целого' (ср. уравнивающие экземпляфикаторы); 'целое vs. часть или все элементы целого' (*как то, а именно*).

Когнитивная типология лексических показателей аргументирования основывается на изучении того, как влияют лексические единицы - и прежде всего служебные слова - на процесс онтологизации знания в модели мира адресата. Для описания этого аспекта аргументации больше всего подходит процедурная модель значения, в соответствии с которой смыслы рассматриваются как процедуры или операции над знаниями, приводящие к синтезу единой семантической структуры

высказывания и обеспечивающие интеграцию знания в модель мира адресата¹⁶). Процедура преобразования над смыслами при понимании речевого сообщения (рассматриваемое в диссертации как процедурный вариант семантической валентности) естественно описывать с трех точек зрения, характеризуя (i) сущность соответствующей ему операции (уничтожение, добавление и т.д. смыслов); (ii) те области плана содержания высказывания, которые включаются во взаимодействие с текущим сознанием (семантическая сфера действия процедурного преобразования) и (iii) те компоненты (уровни) текущего сознания, которые затрагиваются в процессе интеграции в него знаний, содержащихся в высказывании (когнитивная сфера действия процедурных преобразований).

В первом случае классификация строится как ответ на вопрос "Что делать со смысловыми элементами?" (ср. идеи о сложении и уничтожении элементов значения в работах Ю.Д. Апресяна и В.Г. Гака), что позволяет выделять классы служебных слов, требующие формирования релевантного множества (*тоже, также, даже* и др.); задающие правила выбора из множества отдельного элемента (*например, только, лишь*); перемещающие элемент из одного слоя актуального сознания в другой (ср. актуализация роли адресата в выражениях *слушай!*, *знаешь ли, понимаешь ли*) и пр. Второй и третий параметры задают разбиение служебных слов, функционирующих в аргументативном диалоге, на процедурно-пропозициональные (требующие заполнения одной из семантических сфер действия пропозицией - таково большинство служебных слов), процедурно-референциальные (например, артикли), прагматико-дейктические (актуализующие в дискурсе роли говорящего и/или адресата - *по-моему, уверяю вас, воля ваша*), метатекстовые (*во-первых, во-вторых, прежде всего*), процедурно-целевые (актуализующие отдельные условия успешности речевых актов; *так, по правде (говоря), по совести (говоря)* актуализуют условие искренности); процедурно-аксиологические (*грешным делом, по несчастью, увы!*) и др.

Более подробно в этой главе диссертации анализируются аргументативные функции частиц *разве, неужели, да* (в "выделительном"

¹⁶) Подробнее о процедурном подходе к плану содержания языковых единиц см. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Процедура метаязыка в лингвистической семантике // Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз., 1990, т. 49. № 1, с. 16-30.

значении), и то (как "усилителя" тезиса), правда (в несубстантивных употреблениях). В частности, показано, что *разве* отвергает предшествующий тезис, *неужели* выражает сомнение в тезисе, "выделительное" *да* обращает внимание на неуместность аргументирования, и то в определенном смысле усиливает тезис, а *правда*, наоборот, указывает на противоречащие ему факторы, демонстрируя процесс естественного языкового рассуждения.

7. ЯЗЫКОВЫЕ ФЕНОМЕНЫ В АРГУМЕНТИРОВАНИИ: АРГУМЕНТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБЩИХ ВОПРОСОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Когнитивное содержание аргументации - интеграция знания в модель мира адресата с целью влияния на процесс принятия решений - налагает определенные ограничения на типы речевых актов, используемых для введения тезисов и аргументов. Английский аргументативный дискурс весьма подробно описан с этой точки зрения в ряде работ Ф. фон Эмерена и Р. Гротендорста¹⁷⁾. Аналогичный русский материал в этом отношении практически не исследован. В диссертации рассматривается лишь небольшая часть этого аспекта аргументативного диалога - функционирование общих вопросов (ОВ) русского языка в контексте аргументирования; основное внимание при этом обращается на те компоненты плана содержания вопроса, которые наиболее существенны при аргументативной онтологизации знания.

С формальной точки зрения все многообразие ОВ русского языка может быть разделено на классы по следующим параметрам: (i) наличие/отсутствие отрицания (негативные vs. позитивные ОВ); (ii) наличие/отсутствие частицы *ли* (простые vs. *ли*-вопросы); (iii) тип интонации (условно: обычная интонация \hat{P} и восходящая \check{P})¹⁸⁾. Естественно предположить, что за различием формы ОВ скрывается и различие в значениях, которое отнюдь не отражается в классическом

17) Eemeren F.H. van, Grootendorst R. Speech Acts in Argumentative Discussions, Foris Publications, Dordrecht/Cinnaminson, PDA 1, 1984; Eemeren F.H. van, Grootendorst R., Kruijer T. Handbuch of Argumentation Theory, Foris Publications, Dordrecht/Providence, PDA 7, 1987.

18) Баранов А.Н., Кобозева И.М. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., 1983, т. 42, N. 3.

семантическом инварианте общего вопроса 'сделай так, чтобы я знал, Р или не Р'. На это указывают, среди прочего, факты специфической сочетаемости ОВ с вводными и модальными словами, ср. *Он, конечно, пришел?* и *Он, конечно, не пришел?* и **Пришел ли он, конечно?*, **Не пришел ли он, конечно?*

В литературе уже высказывалось мнение, что варьирование форм и значений ОВ различных типов связано с особым компонентом плана содержания ОВ - с т.н. "исходным предположением" или "установкой"¹⁹⁾. В диссертации показано, что характер установки определяет различие значений ОВ русского языка и аргументативный потенциал каждого формального типа ОВ.

В первом приближении можно сказать, что установка ОВ - это те ожидания говорящего, которые формируют комплекс эпистемических и аксиологических предпочтений, связанных с ответом на вопрос. Тем самым выделяется, по крайней мере, два типа установок - эпистемические, отражающие оценку говорящим сравнительной вероятности двух взаимоисключающих альтернатив, заложенных в логической структуре ОВ, и аксиологические, фиксирующие желательность-нежелательность того или иного ответа. Для каждого типа установки ОВ русского языка возможны три вида реализации: (1) большая вероятность (или желательность) положительной альтернативы (ср. простые позитивные вопросы с обычной интонацией - с ингерентной темой - *Ты решил задачу?*); (2) большая вероятность (или желательность) отрицательной альтернативы (ср. простые негативные вопросы - *Вы не придете завтра?*, *Доктор, я не умру?*); (3) равная вероятность (желательность) альтернатив или отсутствие предположений о вероятности/желательности альтернатив (позитивные *ли-вопросы* - *Придешь ли ты завтра?*).

Введение категории установки не только позволяет объяснить особенности сочетаемости общих вопросов с вводными словами (так, аномальность *ли-вопросов* с показателями достоверности-недостоверности - **Пришел ли он, конечно?* - связана с тем, что в их уста-

¹⁹⁾ Kiefer F. Some semantic and pragmatic properties of WH-questions and the corresponding answers // *Statistical methods in linguistics*, 1976, N. 1; Баранов А.Н., Кобозева И.М. Указ. соч.; Падучева Е.В. Вопросительное местоимени и семантика вопроса // *Разработка формальной модели естественного языка*, Новосибирск, 1987.

новке эксплицитно указано на отсутствие у спрашивающего гипотез о вероятном ответе - 'не имея оснований для предположения о том, P или не P более вероятно'), но и дает представление о механизме аргументативного воздействия ОВ. Дело в том, что установочный компонент, будучи менее эксплицитным по сравнению с тематическим, пропозициональным и иллокутивным компонентами, наиболее естественен для использования в аргументировании при приватизации знания. Выбрав форму ОВ, аргументирующий одновременно выбирает тип установки, передающейся в акте речи и усваиваемой адресатом за счет механизмов приватизации куда более эффективно, чем пропозициональная часть. Именно поэтому один из наиболее "объективизированных" способов подачи тезиса в дискуссии - *ли-вопрос*, ср. название темы обсуждения *Есть ли жизнь на Марсе?* при невозможности в этой же функции **Есть жизнь на Марсе?* (в последнем примере установка говорящего на большую вероятность положительной альтернативы снижает "объективность" тезиса).

Установка ОВ - один из источников возникновения вторичных функций общих вопросов (вопрос как утверждение, вопрос как просьба, вопрос как императив и т.д.). Усиление предположений говорящего о возможном ответе ведет к "перерождению" чистого вопроса (столь же, впрочем, мифического, как и "язык вообще") в риторический вопрос, рассматриваемый в контексте аргументирования как специфический способ подачи тезиса или аргументов. Это перерождение возможно не только для простых позитивных ОВ, но и для *ли-вопросов*, хотя и в весьма специфических контекстах. Здесь "объективность" формы *ли-вопроса* легко сочетается с явными показателями субъективной оценки альтернатив ОВ, приводящих к специфическому эффекту риторичности, что, в свою очередь, включает механизмы приватизации знания, ср. *Можно ли все грехи огульно разом валить на торговлю? ... При огромном росте денежных доходов населения рост производства идет почти незаметно, и торговля при всех усилиях не может обеспечить весь существующий спрос.* При понимании последнего примера адресат должен, как минимум, выделить из вопроса отстаиваемый тезис и попытаться угадать, разделяет ли этот тезис говорящий. Казалось бы, форма вопроса препятствует этому - *ли-вопросы* не содержат указания на эпистемическое предпочтение альтернатив. В этом случае "выручает", с одной стороны, дифференциация альтернатив в аксиологической установке (аксиологическая установка позитивного *ли-вопроса* - 'желая P не меньше, чем

не P'), а с другой - возможность модальных преобразований, позволяющих говорящему дополнительно "нагрузить" вопрос пояснением позиции аргументирующего, - наличие слов *огульно*, *разом* фактически эквивалентно установке на отрицательную альтернативу. Но с формальной точки зрения вопрос аргументирующего в рассматриваемом примере эпистемически "объективен" и инициирует дополнительные размышления слушающего, приводящие к приватизации знания.

Анализ функционирования ОВ русского языка в аргументативном диалоге показывает, что основным фактором их аргументативного воздействия является категория установки. Использование ОВ позволяет аргументирующему имплицитно навязать свои представления (эпистемическая установка) и желания (аксиологическая установка) говорящему. С когнитивной точки зрения аргументативный потенциал ОВ определяется механизмами приватизации знания.

8. АНАЛИЗ ЕСТЕСТВЕННОГО АРГУМЕНТАТИВНОГО ДИСКУРСА (АРГУМЕНТАЦИЯ-ТОРГ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ)

Выявление отдельных механизмов и приемов аргументирования вряд ли может дать цельное представление о реальном аргументативном диалоге. Мы говорим не изолированными словами, а убеждаем и аргументируем не отдельными приемами аргументации, а целым комплексом языковых средств воздействия. При таком подходе уместна несколько иная исследовательская эвристика: не от когнитивных механизмов к языковым структурам (Глава 5), не от языковых структур к аргументативному дискурсу (Главы 6, 7), а от аргументативного дискурса к языковым структурам.

В качестве материала для исследования, ориентированного на последнюю эвристику, были выбраны два типа естественного аргументативного дискурса - аргументация-торг (на примере диалогов из "Мертвых душ" Н.В.Гоголя) и политическая аргументация (выступление на Первом съезде народных депутатов). Значимость этих видов аргументирования несомненна как в теоретическом, так и в чисто практическом аспектах: достижение национального консенсуса невозможно без публичной политической аргументации, а аргументация-торг составляет основу микросоциального коммуникативного взаимодействия (ср. характерологические ситуации взаимодействия покупателя и продавца, начальника и подчиненного).

Когнитивная модель аргументации-торга предполагает наличие,

как минимум, двух участников, каждый из которых обладает определенным обменным ресурсом (то, что предлагается на торг), общим ресурсом (ресурс, необходимый для достижения некоторой внедиалогической цели, или общий запас ресурса для будущих действий), целями, часто выходящими за рамки самого торга, и ценностями и нормами, регулирующими обоснованность (нравственность, отчасти уместность и пр.) сделки. Внутридиалогические цели участников ситуации торга состоят в том, чтобы за минимум ресурса получить максимум обменного ресурса партнера. Чичиков в беседах с помещиками относительно продажи мертвых душ пытается достичь следующих целей: (1) убедить собеседника, что мертвые души можно рассматривать как ресурс; (2) убедить собеседника, что продажа мертвых душ не предосудительна; (3) убедить собеседника, что продажа мертвых душ для него выгодна.

Для достижения первой и второй задачи чаще всего используется номинативная аргументация, а третьей - интегративная аргументация. С языковой точки зрения в аргументации Чичикова используются следующие приемы: 1) широкое варьирование способов введения тезиса аргументирования (ср. *Я хотел бы купить крестьян..., Я желаю иметь мертвых..., Я полагаю приобрести мертвых, которые, впрочем, значились бы по ревизии как живые...* - беседа с Маниловым); 2) апелляция к законности и эксплуатация установочного компонента общих вопросов (*Итак, я бы желал знать, можете ли вы мне таковых, не живых в действительности, но живых относительно законной формы, передать, уступить или как вам заблагорассудится лучше?* И далее: *Но Чичиков сказал просто, что подобное предприятие, или негоция, никак не будет несоответствующем гражданским постановлениям России, а через минуту потом добавил, что казна получит даже выгоды, ибо получит законные пошлины.* - беседа с Маниловым); 3) макроструктура аргументативного текста строится таким образом, что его начало представляет собой типичное общее место (*Чичиков начал как-то очень отдаленно, коснулся вообще всего русского государства и отозвался с большою похвалой об его пространстве...*), и лишь в самом конце вводится основной тезис; (4) указывается псевдопричина сделки, скрывающая реальные намерения Чичикова: *...чтоб таким образом не обременить присутственные места множеством мелочных и бесполезных справок и не увеличивать сложность и без того уже сложного государственного механизма...;* (5) основной тезис вводится в как можно более неявной форме, для

чего используется, например, РА обязательства и лексемы-ограничители (hedges), позволяющие частично снять ответственность говорящего за пропозицию: *... готов бы даже отчасти принять на себя эту действительно тяжелую обязанность* [то есть платить подати за мертвые души]; (6) осуществляется подмена-переобозначение общепринятой номинации одиозной сущности: *Насчет главного предмета Чичиков выразился очень осторожно: никак не назвал души умершими, а только несуществующими.*

В совокупности выбранные параметры целеполагания и успешность-неуспешность аргументирования задают семантически и прагматически значимую классификацию аргументативных диалогов, которая обсуждается в диссертации.

В противоположность аргументации-торгу политическая аргументация (и особенно аргументация в сфере публичной политики) тяготеет к ценностным аргументам. Как показывает анализ, политические дискуссии периода перестройки сосредоточены вокруг двух ценностных полюсов, на одном из которых находятся категории Справедливости и Равенства, а на другом концепт Свободы. Общественная значимость и аргументативный потенциал этих ценностей весьма различен: если Справедливость фактически возводится в ранг государственной политики, то Свобода занимает весьма подчиненное положение.

Это находит отражение в типичных схемах аргументирования. Например, апелляции к Равенству чаще всего используются для обоснования требования ресурса: *поскольку есть и у других, то и у нас должно быть; поскольку мы голосуем один раз, то и другие должны голосовать один раз; Я не знаю, что хочет московская делегация, но есть квота, и все должны ее придерживаться, если одни депутаты часто выступают в средствах массовой информации, то и мы должны часто выступать в средствах массовой информации; Почему Адамович, Шмелев выступают чаще, чем другие депутаты?; Мы производим больше всех, а получаем меньше всех!*. Магия Равенства побуждает к парадоксальным утверждениям типа *Все депутаты равны - все удостоены доверия народа, нет ни умных, ни дураков.*

Ценностная категория Равенства позволяет не только требовать, но и защищаться от обвинений. Для этих случаев типично использование риторических фигур, основанных на идее равенства в плохом: *Да, я плох, но и другие не лучше, Я замешан, но и другие замешаны, Все несут ответственность за это, и я, конечно, тоже.*

Вот весьма характерное рассуждение: *Я и другие работники партийных, советских и правоохранительных органов несут ответственность за такое положение.* Распределение порций зла на всех по принципу Равенства не только снимает ответственность за зло, но и нивелирует само зло, ставя его в один ряд со стихийными бедствиями. Успешность аргументации такого рода опять же основывается на высоком рейтинге Равенства.

В противоположность Справедливости и Равенству, аргументативный потенциал Свободы в нашем обществе весьма ограничен. Как видно из материалов публичных дискуссий, апелляции к Свободе не воспринимаются социумом как убедительный аргумент. Такое резкое противопоставление Справедливости и Равенства, с одной стороны, и Свободы - с другой, влечет далеко идущие последствия. Проведенный в диссертации семантический анализ Справедливости и Свободы показывает, что Справедливости соответствует ситуация распределения материальных или нематериальных ресурсов. Тем самым, в семантической структуре Справедливости выделяются следующие переменные: 1) субъект распределения, 2) адресат распределения, 3) распределяемый ресурс, 4) параметр распределения²⁰⁾. Если в качестве параметра распределения выбирается 'уравнивание', то Справедливость трансформируется в ценность Равенство. Свобода в прототипическом понимании связывает желания субъекта с его возможностями: соответствие желаний возможностям определяет модификации этого ценностного концепта. Семантический анализ Справедливости и Свободы позволяет объяснить когнитивную устойчивость мифологем о "врагах", "порядке", "справедливом государе", постоянно воскрешающих в политических дискуссиях периода перестройки: они прекрасно вписываются в структуру справедливого распределения, будучи в то же время резко противопоставлены семантическому миру Свободы. Симбиоз Справедливости и мифов общественного сознания является важнейшим фактором аргументативного воздействия в современных политических дискуссиях.

²⁰⁾ Подробнее анализ семантической структуры Справедливости см. в Баранов А.Н., Сергеев В.М. Естественная языковая аргументация в логике практического рассуждения // Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. М., 1988, с. 104-118.

*

*

*

В Заключении формулируются основные выводы проведенного исследования и намечаются дальнейшие перспективы его развития, связанные с лингвистическим и когнитивным моделированием русского политического дискурса.

Когнитивный подход к описанию естественного языка отнюдь не панацея от всех сложностей, возникающих при изучении реального функционирования языковой системы. Однако в области лингвистического моделирования естественноречевой аргументации когнитивная методология позволяет воссоздать общую картину взаимодействия механизмов мышления и языковых структур в актах аргументирования, выявить особенности аргументативной онтологизации и приватизации знания, установить роль имплицитных слоев плана содержания языковых выражений в речевом воздействии.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Когнитивные механизмы онтологизации знания в зеркале языка (к лингвистическому изучению аргументации) // Психологические проблемы познания действительности. Труды по искусственному интеллекту. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, N.793, 1988, с. 21-41, 1,3 п.л. (в соавторстве с Сергеевым В.М.)
2. Как нас убеждают. Язык и ценностные структуры общественного сознания. М., 1990, 3,5 п.л.
3. Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии, М., 1987, 54 с., 3,5 п.л.
4. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // Язык и социальное познание, М., 1990, с. 166-177.
5. Естественноречевая аргументация в логике практического суждения // Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект, М., 1988, с. 104- 119, 1,2 п.л. (в соавторстве с Сергеевым В.М.)
6. Процедурный метаязык в лингвистической семантике // Изв. АН СССР, сер. Литерат. и яз., 1990, N.1, 1,5 п.л. (в соавторстве с Паршиным П.Б.)
7. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания, 1989, N. 3, 1,2 п.л.

8. Когнитивный статус естественной языковой оценки (к типологии языковых стратегий оценивания) // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Труды по искусственному интеллекту. Формальные и неформальные рассуждения Тарту, 1989; с.5-23, 1,2 п.л.
9. Argumentation as an instrument of new knowledge foudation // International Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science. (Moscow, 17-22 August, 1987), Vol.4, part 1. М., 1987, p. 66-69, 0,25 п.л. (в соавторстве с Сергеевым В.М.)
10. "Выделительное" и "событийное" значения частицы *da*: материалы к изучению семантики и прагматики диалога // Модели диалога в системах искусственного интеллекта. Труды по искусственному интеллекту. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, Тарту, 1987, с. 32-48, 1,2 п.л.
11. Эксплицитный модус в аргументативном диалоге // Пропозиционные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы докладов рабочего совещания. М., 1987, с. 13-16, 0,25 п.л.
12. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 1986, с. 100-143, 2,5 п.л. (в соавторстве с Паршиным П.Б.)
13. Лингво-прагматические механизмы аргументации // Рациональность, рассуждение, коммуникация. Киев: Наукова думка, 1987, с. 22-41, 1,3 п.л. (в соавторстве с Сергеевым В.М.)
14. Interaction de la semantique et de la pragmatique dans l'utilisation de la particule *da* // Les particules enonciatives en russe contemporain. Vol.2 A.T.P. Nouvelles recherches sur le langage. Universite de Paris VII, Paris, 1987, p. 51-68, 1 п.л.
15. On some hierarchies within the structure of evaluative language categories // Symposium on language universals. "Estonian data contributing to the theory of language universals" & "The hierachical nature of language" (Tallinn, July 28-30, 1987). Tallinn, 1987, p. 20-24. (в соавторстве с Паршиным П.Б.)
16. Вариантность в семантике наречий *едва* и *еле* // Вариантность как свойство языковой системы (тезисы докладов), часть 1, М., 1982, с.21-23, 0,2 п.л.

17. Исходное предположение (установка) говорящего как фактор варьирования формы общего вопроса // Вариантность как свойство языковой системы (тезисы докладов), часть 1, М., 1982, с. 24-27, 0,25 п.л. (в соавторстве с Кобозевой И.М.)
18. О несубстантивных употреблении лексемы *правда* // Вестник МГУ. Сер. - "Филология", 1982, с. 43-52, 0,9 п.л.
19. On the synthesis and answers with particles *да* and *нет* in Russian // Symposium on grammars of analysis and synthesis and their representation in computational structures. Tallinn 1983, 0,25 п.л.
20. Семантика общих вопросов в русском языке // Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., 1983, № 3, с.263-274, 1,2 п.л. (в соавторстве с Кобозевой И.М.)
21. Типы знаний и семантика общих вопросов в русском языке // Принципиальные вопросы теории знаний. Труды по искусственному интеллекту. Уч. зап. Тартуского гос. уни-та, Тарту, 1984, №.688, с. 5-9, 1,2 п.л.
22. Наречия *едва*, *еле* и их семантика // Československa rusistika, 1984, Vol. XXIX, №. 4, с. 173-181, 1,2 п.л.
23. К описанию семантики наречий степени (*едва*, *еле*, *чуть*, *немного*) // Филологические науки, 1984, №. 3, с. 72-77, 1 п.л.
24. Нормы и экстремумы: количественная оценка ситуаций в логике практического рассуждения // Семиотические модели в управлении. Тезисы докладов и сообщений к 5 научно-методической конференции 1-3 октября 1984 г. Новосибирск, 1984, с.20-22, 0,15 п.л. (в соавторстве с Паршиным П.Б.)
25. Типы знаний в семантике общих вопросов русского языка // Материалы шестой межреспубликанской школы-семинара "Интерактивные системы". Книга 2, Батуми 28 мая - 2 июня 1984 г. Тбилиси, 1984, с. 321-322, 0,1 п.л.
26. Ценностные предпосылки речевых актов (этические категории в моделировании речевой деятельности) // Моделирование и оптимизация информационных процессов в развитом социалистическом обществе (Системный анализ и моделирование). Тезисы докладов и сообщений к научно-методической конференции 25-27 ноября 1985 г., Новосибирск, 1985, с. 137-138, 0,15 п.л. (в соавторстве с Паршиным П.Б.)
27. Семантические категории 'предположение' и 'факт' в значениях частиц *разве* и *неужели* // Семиотические аспекты формализации

- интеллектуальной деятельности. Школа-семинар "Кутаиси-85". Тезисы докладов и сообщений. М., 1985, с. 381-384, 0,2 п.л.
28. 'Предположение' vs. 'факт': *neужели vs. разве* // Zeitschrift für slavistik, 1986, N. 1, S. 119-131, 1,2 п.л.
29. Оценка в процессе принятия решений (к анализу естественно-языковых оснований) // Методология системных исследований. Тезисы докладов, М., 1985, с. 29-30, 0,1 п.л. (в соавторстве с Паршиным П.Б.)
30. Структура естественноязыковой аргументации // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар "Кутаиси-85". Тезисы докладов и сообщений, М., 1985, с.385-388 0,2 п.л. (в соавторстве с Сергеевым В.М.)
31. Оценочный аспект когнитивного стиля и его языковые корреляты // Когнитивные стили (тезисы научно-практического семинара), Таллинн, 1986, с.24- 28, 0,25 п.л. (в соавторстве с Паршиным П.Б.)
32. Онтологизация знания в метафоре искусственного интеллекта // Проблемы развития и освоения интеллектуальных систем.Тезисы докладов и сооб. к Всесоюзной конференции 11-13 ноября 1986 г. Секция II "Методы и модели освоения интеллектуальных систем. Новосибирск, 1986, с. 64-66, 0,25 п.л. (в соавторстве с Сергеевым В.М.)
33. Направления онтологизации знания // Логика и системные методы анализа научного знания. Тезисы докладов к IX Всесоюзному совещанию по логике, методологии и философии науки. Харьков, 8-10.X.86, Секция 1-5, М., 1986, с. 180-186, 0,15 п.л. (в соавторстве с Сергеевым В.М.)
34. Языковые основания теории аргументации: типология аргументации и лексическая семантика // Второй всесоюзный семинар по проблемам аргументации. Тезисы докладов. Ереван, 1986, с. 19-21, 0,1 п.л.
35. Когнитивные механизмы онтологизации знания в зеркале языка // Язык и познание. Логико-философский анализ. Тезисы республиканской научной конференции, Вильнюс, 11-12 сентября 1986 г., Вильнюс, 1986, с. 42-43, 0,2 п.л. (в соавторстве с Сергеевым В.М.)
36. Проблемы моделирования естественноязыковой аргументации // Лингвистическое обеспечение информационных систем. М., 1987, с. 143-168, 1,3 п.л. (в соавторстве с Сергеевым В.М.)

37. Метаязыковые средства описания семантики предложения: опыт типологии // Лингвистическое обеспечение информационных систем. М., 1987, с. 169-205, 2,1 п.л. (в соавторстве с Кобозевой И.М.)
38. Частица *да* в выделительном значении // Парадигматика в лексике и словообразовании. Красноярск: изд-во Красн. унив-та, 1987, с. 104-111.
39. Имплицитная аргументация в художественном тексте // Семантика целого текста. Тезисы выступлений на совещании (Одесса, сентябрь 1987 г.). М., 1987, с. 10-11, 0,1 п.л.
40. Рациональность в оценке и дескрипции // Рациональность и семиотика поведения. Материалы научно-методического семинара по проблемам логики, психологии и семиотики деятельности. Киев, 1988, с. 20-21, 0,1 п.л.
41. К построению типологии естественнойязыковой аргументации // Философская думка, 1988, № 4, с. 33-43, 1 п.л. (на укр. языке, в соавторстве с Сергеевым В.М.)
42. Прагматика аргументативного диалога // Прагматический аспект грамматической структуры текста (тезисы выступлений на совещании). М., 1988, с. 28-29, 0,1 п.л.
43. К проблеме моделирования аргументации: языковые показатели аргумента // Новейшие направления лингвистики, Тезисы Всесоюзной школы-конференции, М., 1989, с. 22-24, 0,2 п.л.
44. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемике // Проблемы эффективности речевой коммуникации. М., 1989, с. 41-115, 3 п.л. (в соавторстве с Паршиным П.Б.)
45. Культурные факторы естественнойязыковой аргументации // Культура русской речи / Тезисы I всесоюзной конференции (Звенигород, 19-21 марта 1990г.) Москва, 1990, с. с. 6,7, 0,2 п.л.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- А - аргумент
- Г - говорящий
- КА - контраргумент
- КТ - контртезис
- МДЕ - минимальная диалогическая единица
- ОВ - общий вопрос
- РА - речевой акт
- С - слушающий
- Т - тезис

А. Бу...